

УДК 351/354+94(47)

РУССКИЙ ЖАНДАРМ НАЧАЛА XX ВЕКА: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ОФИЦЕРОВ ОТДЕЛЬНОГО КОРПУСА ЖАНДАРМОВ)

А. В. Перегудов

Воронежский государственный университет

Статья посвящена особенностям восприятия образа жандарма в начале XX столетия самими жандармами. На основе мемуарной литературы четко выделяются два типа офицеров: ревностные служаки и приспособленцы. Автор предпринимает попытку вскрыть истоки подобного отношения к службе и формирования типажей.

Ключевые слова: жандарм, служака, приспособленец.

A. V. Peregodov. THE EARLY 20TH CENTURY RUSSIAN GENDARME: A PERCEPTION (BASED ON MEMOIRS OF OFFICERS OF THE INDEPENDENT GENDARME CORPS)

The paper looks at how the gendarme figure was perceived by gendarmes themselves early in the 20th century. Two distinct types of officers can be clearly distinguished from the memoir literature: zealous gimpers and timeservers. The author attempts to disclose the causes of such attitudes toward the service and formation of the character types.

Key words: gendarme, gimper, timeserver.

Отдельный корпус жандармов просуществовал в Российской империи 90 лет (1827–1917 гг.), выполняя охранительные функции российского самодержавия. Насколько успешно или неуспешно он функционировал – это вопрос отдельной дискуссии. В данном случае нас интересует не столько жандармская служба как таковая, сколько сам жандарм, его образ и, соответственно, особенности восприятия этого образа среди жандармских офицеров – современников рассматриваемой эпохи.

За основу сюжета берутся воспоминания двух жандармских офицеров – А. И. Спиридовича и А. М. Полякова, написанные обоими после революционных событий 1917 г., приведших к ликвидации Корпуса жандармов. Почти ровесники, один северянин, другой

южанин, оба выпускники кадетского корпуса имени графа Аракчеева в Нижнем Новгороде, они тем не менее были очень разные и по своему мировоззрению, и по взглядам на прохождение жандармской службы. Однако названия их воспоминаний необычайно похожи: «Записки жандарма» Спиридовича и «Записки жандармского офицера» Полякова. Мемуары Спиридовича охватывают период до 1905 г., когда на него было совершено покушение сотрудником Руденко и последовала, вследствие ранения, пауза в профессиональной деятельности. Воспоминания Полякова доведены до 1914–1915 гг., т. е. до зачисления автора в Действующую армию.

Послереволюционные годы в Советской России, но в большей степени за рубежом, в среде

русской эмиграции, – это время расцвета жанра мемуаров. Многие из жандармских офицеров оставили свои воспоминания, на которых лежит печать времени. В них они оглядываются на свой профессиональный путь и пытаются дать оценку произошедшим событиям. Обращают на себя внимание хорошие литературные способности жандармов, их мемуары читаются не просто с интересом, но еще и с необычайной легкостью. В частности, истоки литературного таланта Спиридовича следует искать, как представляется автору этих строк, в его родословной, ведь по матери Анне Александровне он приходился родственником известному баснописцу И. А. Крылову [Колоколов, 2009. С. 22].

Александр Иванович Спиридович (1873–1952) – пожалуй, один из наиболее известных и часто упоминаемых жандармских деятелей дореволюционной России. Он выведен на страницах нового романа Б. Акунина о московском сыщике-интеллектуале Э. П. Фандорине «Черный город» в образе жандармского полковника Спиридонова, начальника охраны императора Николая II в Ялте, убийством которого от рук террориста по кличке Одиссей открывается произведение. В 2009 г. в московском издательстве «Молодая гвардия» из-под пера Бориса Колоколова вышла обстоятельная биография Александра Спиридовича [Колоколов, 2009].

Спиридович начал свой путь в Отдельном корпусе жандармов (ОКЖ) Российской империи в 1900 г. и находился в строю вплоть до 1917-го. Затем последовали долгие годы эмиграции во Франции и США, сложные, насыщенные событиями. Но даже за рубежом «для многих русских эмигрантов из числа либеральной интеллигенции он продолжал оставаться бывшим царским жандармом, от которого следовало держаться подальше» [Колоколов, 2009. С. 504].

Русская жандармерия, будучи военизированным подразделением, комплектовалась исключительно из военных чинов. Придерживаясь активной жизненной позиции, молодые люди стремились уйти от окружавшего их общеармейского быта. «В строю условия в мирное время тогда были иногда невозможны и не удовлетворяли запросам и потребностям многих офицеров. Всякий, кто мог уйти из строя, пристраивался в полицию, в акцизе, в пограничной службе, везде, где больше платили и где офицеры чувствовали себя свободнее и лучше, чем в строю», – пишет в своих мемуарах А. М. Поляков [Поляков, 2002. С. 485]. Ему вторит А. И. Спиридович: «Полковая служба не удовлетворяла молодежь. Естественно, что все более живое, энергичное, не успевшее завязнуть в местных интересах,

стремилось уйти из полка (105-го Оренбургского пехотного, в котором служил Спиридович. – А. П.)» [Спиридович, 1991. С. 27].

Особенности протекания жандармской службы по понятным причинам были неизвестны рядовому обывателю. Даже желающие связать свою дальнейшую судьбу с жандармерией имели о ней весьма смутное представление. «До случая, когда я побывал в Жандармском управлении, я понятия не имел, что такое жандармы, и, признаться, их синий мундир внушал мне, как и многим другим, даже некоторый страх», – такова реакция Полякова [Поляков, 2002. С. 482]. «Мы не понимали тогда всей серьезности службы этого корпуса [жандармов], не знали его организации и всех его обязанностей, но в общем она казалась нам очень важной. <...> Но вся служба жандармерии была окутана для нас какой-то тайной. Сами жандармские офицеры своей сдержанностью и какой-то особой корректностью усиливали это впечатление и заставляли смотреть на них с некоторой осторожностью. В них не было офицерской простоты, они не были нараспашку и даже внушали к себе какой-то непонятный страх. Почему и отчего – это было неясно», – таково восприятие Спиридовича [Спиридович, 1991. С. 27].

Закрытость Корпуса жандармов порождала в обществе многочисленные слухи и легенды: и что якобы каждый жандарм приносит при вступлении особую клятву, где отрекается от своих родных и близких, и что жандармы в купе с полицейскими осуществляли карательные функции... Последний директор Департамента полиции А. Т. Васильев вспоминал: «Для масс населения это учреждение [Департамент полиции] было символом ужаса, о нем рассказывали самые невероятные истории. Многие всерьез верили, что в Департаменте полиции несчастных жертв сбрасывают в подвал через отверстие в полу и подвергают пыткам» [Васильев, 2004. С. 346]. Поляков также отрицал бытовавшее в обществе мнение о некой клятве-присяге жандармов, называя это вздором. «Новой присяги мы никакой не принимали: действительной оставалась та, которую принимали при вступлении на военную службу» [Поляков, 2002. С. 488]. А вот Департамент полиции на самом деле вызывал страх, причем не только у обывателей, но и у самих жандармских чинов. В «Записках» Поляков рассказывает забавный случай с клопом, – «худой, слепой, в чем душа держится», – выползшим из департаментского почтового конверта. Поляков хотел было его придавить, однако коллега, некий Кучин, предусмотрительно заметил: «Что Вы! Ведь это Департаментский клоп, может быть ревизор,

еще отвечать будете!». Эпизод закончился тем, что «клопа не убили из страха и уважения к Департаменту полиции» [Поляков, 2002. С. 493].

У Спиридовича желание стать жандармом, судя по воспоминаниям, вызревало под воздействием ряда факторов: во-первых, жандармов он видел с детства в родительском доме, где их хорошо принимали, к тому же один из них был женихом его сестры; во-вторых, прочитанные в историческом журнале «Записки голубого мундира» из эпохи 60-х; в-третьих, желание матери и сестер видеть Александра именно жандармом: «Воспитанные в архангельской провинциальной глуши, далекие от всякой политики, они были чужды обычных интеллигентских предрассудков против синего мундира и смотрели на жандармского офицера просто: офицер, служба серьезная, очень важная, жалование хорошее и форма красивая» [Спиридович, 1991. С. 29].

Спиридович учился на жандармских курсах осенью 1899 г. В декабре выдержал вступительный экзамен и не побоялся окунуться в самую гущу событий, взяв вакансию в Московском охранном отделении под начальством прославившегося к тому моменту С. В. Зубатова. С московской охраны в 1900 г. началась служба Спиридовича в жандармерии, продолжавшаяся вплоть до Февральской революции.

В русской жандармерии было немало приспособленцев, считавших службу в ее рядах более легкой и прибыльной по сравнению с военной. К персонажам такого типа относился А. М. Поляков. В своих мемуарах Поляков в первой же строчке признается читателю, что попал в Отдельный корпус жандармов случайно. Без зазрения совести признается, что и учился на жандармских курсах он с ленцой, и мундир-то надевал нерадостно. Поляков писал свои воспоминания летом 1917 г., в сложное, переходное для страны время, находясь под влиянием происходивших событий. Ненависть к канувшему в Лету самодержавию находилась на пике своего развития, и Поляков, используя мемуарный жанр как один из источников для будущих поколений исследователей и очерняя в них образ и службу жандарма, методично, в духе времени, вколачивал гвозди в крышку гроба российской монархии. На страницах своих мемуаров он просил у всех, кому когда-либо доставил неприятности, извинений: «Такой был режим, а я был его представителем».

Александр Минаевич Поляков (1868 – ?), в отличие от своего тезки Спиридовича, персонаж совершенно не известный рядовому читателю. Видимо, оттого, что никогда не был в гуще событий, а служил исключительно в губернских

и железнодорожных жандармах в провинции и на окраинах империи. В жандармерии состоял одиннадцать лет, начав свой путь в феврале 1903 г. с должности адъютанта в Ярославском губернском жандармском управлении и закончив в 1914 г. подполковником, начальником одного из отделений Среднеазиатской железной дороги. Осенью 1914 г. был зачислен в Действующую армию, где сначала задумал, а позднее и написал, пользуясь позиционным характером Первой мировой войны, свои «Записки». После 1917 г. его судьба неизвестна.

Для Полякова привлекательность синего мундира определялась финансовой составляющей. Совершенно понятно стремление его, пребывавшего на должности льготного казачьего подъяесаула в Донском казачьем полку (с 1890 г.) с нищенским жалованьем в 28 рублей в месяц, в Корпус, где на начальной офицерской должности адъютанта получали в 10 раз больше. «Греха нечего таить: хоть корыстная цель официально и считалась одним из препятствий для поступления в жандармы, но почти все мы шли туда ради большого содержания» [Поляков, 2002. С. 485]. В феврале 1902 г. он прибыл в Петербург по адресу Фурштатская, 40, где располагался штаб ОКЖ. Эта улица находилась в аристократическом районе Петербурга, о чем говорит, например, Д. С. Лихачев в своих воспоминаниях в главе под названием «Об интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти XX века» [Лихачев, 1995. С. 47]. Поляков выдержал устные и письменные испытания, после чего был зачислен кандидатом для слушания лекций и дальнейшего перевода в Корпус жандармов.

Курсы, на которые был зачислен Поляков, открылись осенью 1902 г. Слушателей насчитывалось 42 человека. Занятия проходили в Петербургском жандармском дивизионе. Были они весьма необременительны для армейских офицеров: лекции начинались в 11.30, а в 14–15 часов уже заканчивались. Таким образом, продолжительность занятий составляла всего лишь 2,5–3,5 часа в день. Оставшееся время, коего было предостаточно, молодые люди, не отягощенные к тому же присутствием жен, проводили в буфете до вечера за душевным разговором, а вот уже сами вечера – в «Аквариуме» и подобных заведениях [Поляков, 2002. С. 485–486]. Находившиеся на курсах офицеры продолжали по-прежнему получать жалование из частей, к которым они принадлежали. Также Корпус жандармов выплачивал им по 25 квартирных рублей. Не сказать, что это были баснословные деньги, но судя по тому,

что будущие жандармы регулярно посещали рестораны и увеселительные заведения, жили они весьма неплохо. В частности, упоминаемый в мемуарах столичный ресторан «Аквариум», располагавшийся при гостинице и открытый для посетителей до 3 часов ночи, принадлежал к числу богатых и известных заведений Петербурга, публика в которых состояла в основном из купцов и фабрикантов, требовавших варьете с дорогой программой и устраивавших кутежи [Засосов, Пызин, 2003. С. 146].

Учился Поляков из рук вон плохо. Причину указывает он сам: «...Еще в корпусе [Нижегородский им. графа Аракчеева кадетский] и училище [Второе военное Константиновское в С.-Петербурге] никогда не отличался прилежанием и усердием, а имея, когда был на курсах, 34 года от роду, вовсе находил для себя обременительным утруждать себя науками» [Поляков, 2002. С. 485–486]. Результатом подобного отношения стало окончание жандармских курсов Поляковым 32-м из 42-х слушателей. Понятное дело, что наилучшие вакансии, пока до 32-го номера дошла очередь, были уже разобраны. И Александру Минаевичу пришлось «поневоле» взять Ярославское ГЖУ. А ведь он мечтал служить не в охранном отделении, где имел бы возможность быть в авангарде борьбы с «политическими», и даже не в губернской жандармерии, а в скромной железнодорожной жандармерии, т. е. на периферии, подальше от политики и от бурливших политическими страстями революционных центров России. Как любил выражаться сей персонаж: «На железной дороге воздух чистый».

Позднее, уже на службе в Костромской губернской жандармерии, Поляков убедился в своей полнейшей неподготовленности к самостоятельному производству дознаний и политическому розыску. Он писал, что знания, полученные им на жандармских курсах, были такими же, как и в кадетском корпусе: «которые улетучились навсегда сейчас же по сдаче выпускных экзаменов» [Поляков, 2002. С. 491]. Однако если вспомнить обстоятельства «обучения», то впору воскликнуть: кто ж тому виной, многоуважаемый Александр Минаевич, что вы полнейший дилетант и лентяй, как не вы сами?! Увы, такие кадры составляли, пожалуй, большинство российской жандармерии, особенно в глубинке.

Выпускные экзамены и разбор вакансий имели место в декабре 1902-го, а уже в январе 1903-го состоялся приказ о зачислении в Корпус жандармов. В середине января было представление командиру Корпуса В. В. фон Валю, после чего новоиспеченные жан-

дармы отгуливали 28 дней отпуска, получали прогоны и в феврале обязаны были явиться к означенному месту службы. На обмундирование выдавалось 100 рублей. Жандармская форма, по словам Полякова, была самая элегантная и красивая, но надевал он ее без радости [Поляков, 2002. С. 487]. Пренебрежительное отношение к голубому мундиру Поляков подчеркивал в своих «Записках» не раз. Находясь уже в последующие годы на службе в Туле, он имел желание и возможность неоднократно заехать в Ясную Поляну к Льву Толстому, но тем не менее визита известному литератору так и не нанес, стесняясь жандармского мундира.

Таким образом, на примере нашего героя можно проследить путь в жандармы, с момента прибытия на испытания и зачисления в слушатели до выпускных экзаменов и разбора вакансий. У Полякова этот путь занял примерно год, и надо заметить, ему явно повезло. Так, он был зачислен на осенние курсы 1902 г., хотя должен был проходить обучение весной 1903 г., что позволило сэкономить ему до полугода.

Мемуары А. М. Полякова удивительным образом сочетают в себе человечность и жизнеразлюбие автора с его же откровенным лицемерием. В отличие от мемуаров Спиридовича, выдержанных в основном в форме глубокого и кропотливого повествования о деятельности жандарма и о том, что его окружало в этой деятельности, Поляков частенько подмечает курьезы и чудачества своих сослуживцев, начальников. Например, главного ярославского жандарма – полковника Маркова – доставали тещи, коих было целых три и все они были живы; его костромской коллега – генерал Бекнев – настолько увлекся посадкой цветов, что забыл прийти на панихиду по великому князю Сергею Александровичу; ярославский ротмистр Пападжанов пел настолько красиво, что увел чужую жену и вскоре женился на ней сам; одним из жандармско-полицейских отделений на Ташкентской железной дороге руководил не начальник Бабкин, исполнявший таковые функции лишь номинально, а его супруга, «милая Евгения Федоровна, но на это никто у нас в претензии не был». Вообще, в Корпусе жандармов, по словам того же Полякова, несмотря на официальные запреты, «играли азартно и за женщинами ухаживали, а главное, пили жестоко и выпить хорошо умели» [Поляков, 2002. С. 496]. Да и сам Поляков не прочь на страницах мемуаров похвастаться умением выпить (да так, что за это его уважали обыватели),

выступить ценителем прекрасного пола, козырнуть наличием многочисленных романов чуть ли не в каждом городе в течение своей многолетней службы.

Лицемерием пронизана часть повествования о профессиональной деятельности жандармского офицера, когда, например, речь идет о чувстве стыда при первом обыске в Ярославле. Притом уже довольно скоро, в Костроме, Поляков занимался тем, что читал письма от политических заключенных к родственникам на волю, и здесь ему почему-то уже было не стыдно, а даже интересно. В дальнейшем, в Тюмени, Поляков заведовал «черным кабинетом».

Положительно в «Записках» Поляков отзывается лишь о временах своей службы в Керченском порту, на проверке паспортов, и железнодорожным жандармом, т. е. там, где отсутствовала какая бы то ни было политика и, что немаловажно для нашего героя, где было значительно легче. Ведя одно время по необходимости дела сразу трех канцелярий жандармско-полицейских управлений на Ташкентской железной дороге, Поляков уже к двум часам дня (!) управлялся со всеми делами [Поляков, 2002. С. 519]. О железнодорожных жандармах в целом Поляков пишет с нескрываемой симпатией, с ностальгией вспоминая те времена.

Мемуары Полякова дают характерные зарисовки быта и протекания деятельности российской жандармерии в провинции, позволяют судить об образе мыслей и поведении жандармских офицеров. Так, вместе с костромскими жандармскими писарями они обсуждали начальство, устраивали Россию на свой лад. А после событий 9 января 1905 г. наш герой по своим политическим взглядам был близок к конституционной монархии. Собрал целую библиотеку нелегальной литературы.

Поляков люто ненавидел «охранников», ту когорту жандармов, к которой принадлежал Спиридович, утверждая даже, что железнодорожные жандармы не подавали жандармам из Охранки руки.

Безусловно, деятельность жандармов была специфичной, не каждому такая служба приходилась по душе. Методы политического сыска далеко не всегда соответствовали христианским заповедям. Так, доносительство – едва ли не краеугольный камень в деятельности полиции, как политической, так и общеуголовной. Амплитуда отношений к этому методу колеблется от превосходного до морально развращающего. Но какого бы мнения мы ни придерживались, доносительство (или, как любили говорить в советской историографии, провокаторство) довольно

эффективно, это факт. Даже самый известный в воровском мире XVIII века персонаж Ванька Каин, имя которого стало нарицательным, не один год служил официальным «доносителем и сыщиком» Сысного приказа [Акельев, 2012. С. 7–8]. На широкую ногу доносительство в русской жандармерии было поставлено при знаменитом Г. П. Судейкине, «Мефистофеле политического розыска и провокации», во время борьбы с народолюбивым террором. Подобная деятельность была необходима и жизненно важна для сохранения устоев политического строя Российской империи.

В рядах российской жандармерии было немало ревностных служаек, не видевших в своей службе ничего порочного. Их убеждения были тверды и не подлежали изменениям. К таким, безусловно, относится Спиридович, в отличие от Полякова с большой гордостью ехавший на московском ваньке в 1900-м в новой, с иголочки, синей жандармской форме с белыми аксельбантами. Или, например, Николай Кравец. Описывая в «Воспоминаниях жандармского офицера» подробности ареста «бабушки русской революции» Е. К. Брешко-Брешковской, случившегося во время его службы в Симбирской губернии в сентябре 1907 г., он рассказывает такой эпизод. При конвоировании Брешковской в Петербург в арестантском вагоне Кравец большую часть времени провел у нее в купе, за беседой со старой и опытной революционеркой. Брешковская поинтересовалась у своего оппонента: «Стыдно Вам, молодому человеку, было идти в жандармы?», на что последовал ответ Кравца: «Лично меня нисколько не шокирует моя служба – это дело убеждения» [Ника /Кравец/, 2002. С. 547].

Жандарм в Российской империи всегда был на виду: и в столице, и на периферии. Каждый из них – порождение своего времени, своей эпохи. Парадигму деятельности каждый из них выстраивал в соответствии с целями, которые преследовал при поступлении в Корпус. Пытаться же выяснить, кого в действительности было больше – идейных офицеров либо приспособленцев, – вряд ли возможно, так как здесь мы вступаем на зыбкую почву ничем не обоснованных предположений.

Источники и литература

Акельев Е. В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М., 2012. 416 с.

Васильев А. Т. Охрана: русская секретная полиция // Охранка: Воспоминания руководителей политического сыска: в 2-х т. Т. 2. М., 2004. С. 345–516.

Засосов Д., Пызин В. Повседневная жизнь Петербурга на рубеже XIX–XX веков. М., 2003. 480 с.

Колоколов Б. Г. Жандарм с царем в голове. Жизненный путь руководителя личной охраны Николая II [Спиридовича]. М., 2009. 592 с.

Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб.: Logos, 1995. 428 с.

Ника [Кравец Н. А.] Воспоминания жандармского офицера // Жандармы России. М.; СПб., 2002. С. 543–565.

Поляков А. М. Записки жандармского офицера // Жандармы России. М.; СПб., 2002. С. 482–542.

Спиридович А. И. Записки жандарма. М., 1991. 268 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Перегудов Александр Викторович

доцент кафедры полит. истории исторического факультета
Воронежский государственный университет
Университетская пл., 1, Воронеж, Россия, 394006
e-mail: Peregydoff@mail.ru
тел.: 8 (980) 2405515

Peregudov, Alexandr

Voronezh State University
1 University Sq., 194006 Voronezh, Russia
e-mail: Peregydoff@mail.ru
tel.: 8 (980) 2405515